

А. БУБНОВ,
член Военно-революционного
комитета

ЛЕНИН В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

В этой заметке я хочу записать некоторые воспоминания, рисующие Ленина в Октябрьские дни.

Непосредственно перед переворотом я встречался с Владимиром Ильичем на Выборгской стороне, когда он уже вернулся из Финляндии. Ленин торопил с восстанием, с исключительным вниманием занимался вопросом о соотношении сил в тогдашнем Петрограде и технической подготовкой восстания. 10 октября Ленин впервые появился на заседании Центрального Комитета нашей партии (в квартире Суханова). 16 октября он присутствовал на заседании Центрального Комитета с рядом приглашенных товарищей в Лесном. Эти два заседания были решающими в том смысле, что они окончательно решили вопрос о восстании. В Смольном Ильич появился в ночь на 25 октября. В ночь на 25 октября весь Центральный Комитет, Ильич в том числе, ночевал в комнате № 14 в Смольном на полу и на стульях. Ильич очень торопил со взятием Зимнего и основательно нажимал на всех и каждого, когда не было сообщений о ходе наступления. Утром 26-го он первый раз присутствовал на заседании Военно-революционного комитета.

После переворота мы, члены Центрального Комитета, ежедневно, иногда по несколько раз, встречались с Лениным в Смольном в эти незабываемые дни, когда через Смольный катилась масса солдат, рабочих и матросов, а под Петроградом гремели пушки и уже шли

авангардные бои, растянувшиеся затем на целых три года ожесточеннейшей гражданской войны.

Ильич тогда был воплощением великой воли этих масс победить во что бы то ни стало. На заседаниях Центрального Комитета он громил колеблющихся, беспощадно отбрасывая их в сторону. В своем кабинете, как вождь восстания, он спокойно учитывал складывающиеся обстоятельства и твердо направлял дело к победе. В минуты кратковременного отдыха, прогуливаясь по коридору, он оживленно беседовал с товарищами, крепко закладывая руки за спину.

Ильич в эти дни великого переворота был оживлен, весел, светился весь изнутри каким-то особенным светом, был непоколебим, уверен и тверд.

Из партийных эпизодов того времени я считаю нужным остановиться на одном, а именно — на последнем моменте в определении октябрьской линии Центрального Комитета партии, бывшем одновременно и последним этапом в борьбе с выступившими против Октябрьской революции Зиновьевым и Каменевым. После 25—26 октября Викжель начал свою соглашательскую канитель, стремясь запутать в нее и нас, большевиков.

В № 2 «Бюллетеня ЦК (большевиков)» об этом моменте мы читаем следующее: «Всероссийский союз железнодорожников предъявил требования создать коалиционное социалистическое министерство; в случае отказа враждующих сторон выполнить это требование жел. дор. угрожает всеобщей забастовкой. Образована согласительная комиссия, в которую вошли представители ЦИК, ЦК всех партий, Комитет спасения революции, союз железнодорожников, союз почтово-телеграфных служащих». В этой «согласительной комиссии» шли бесконечные разговоры об образовании «социалистического правительства из всех советских партий», продолжавшиеся в течение 30—31 октября и 1 ноября. В ЦК нашей партии наблюдались разногласия и колебания, они имели место и в нашей фракции ВЦИК.

Ильичу надоела эта пустяковая канитель, и он твердо решил поставить точку над всеми колебаниями. 2 ноября (по старому стилю) ЦК принимает предложенную Лениным резолюцию, в которой он резко клеймит политику «уступок ультиматумам и угрозам меньшинства советов» и приглашает «всех скептиков и колеблющихся

бросить свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства». Но колебания не прекратились, скептики не вняли голосу Центрального Комитета своей партии и продолжали попытки вести свою соглашательскую линию. Тогда Ленин 3 ноября (по старому стилю) составил текст заявления в Центральный Комитет, где резко критиковалась политика соглашательства и бесконечных колебаний. Написав его, он приглашал в кабинет к себе отдельно каждого из членов Центрального Комитета, знакомил их с текстом заявления и предлагал подписать его. Под заявлением подписалось большинство членов ЦК. На ближайшем заседании ЦК, если не ошибаюсь, 4 ноября, оно было оглашено.

Это заявление обвиняло представителей меньшинства в том, что они «вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии, и деморализуют наши собственные ряды, посеяв колебания в тот момент, когда необходимы величайшая твердость и неуклонность». Далее заявление обвиняет тогдашнюю оппозицию в том, что она «намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависят судьба партии и судьба революции». И, будучи глубоко уверенным в том, что партия единодушно поддержит свой Центральный Комитет, большинство Центрального Комитета в своем заявлении писало: «Партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации. Иного исхода нет и быть не может».

В ответ на это оппозиция не нашла ничего лучшего, как снять с себя звание членов ЦК. И здесь Зиновьев и Каменев, подписавшие заявление о выходе из Центрального Комитета, уже после Октябрьского переворота проделали то же самое, что они сделали до Октября, выступив открыто перед лицом классового врага против решения Центрального Комитета нашей партии о вооруженном восстании от 10 октября того же года.

В октябрьские дни Ленин твердой рукой вел массы к победе и одновременно он прибегал к самым чрезвычайным мерам против скептиков и дезорганизаторов в интересах единства партии и победы революции.

